

ОТВЕТ МОИМ КРИТИКАМ

Л.А. МАРКОВА

Состоявшаяся дискуссия по моему докладу свидетельствует, на мой взгляд, о формировании некоторой новой тенденции при обсуждении философских проблем науки. Я имею в виду и устное обсуждение, и опубликованные выступления. Все мы привыкли к тому, что споры ведутся на базе той или иной интерпретации таких понятий как истина, объективность, субъект, объект, релятивизм и ряд других. Поэтому очень трудно дается (и мне в том числе) перевод дискуссий в иную плоскость, где все привычные нам ключевые слова отодвигаются на задний план, а наиболее значимыми становятся понятия, ранее не игравшие существенной роли. В том числе всё чаще наделяются особым значением понятия смысл, контекст, интересубъективность, диалог, коммуникация и ряд других.

К необходимости их использования мы приходим в результате того, что привычная нам логика, построенная на классической науке, дает сбои, не решает возникающие в неклассической науке философские проблемы, да и сама философия, ее основные направления в своих базовых основаниях трансформируются. Трансформации происходят, но новой логики как таковой нет, она еще не выработана, поэтому велико стремление или все-таки как-то приспособить классическую логику к новым потребностям, или поддаться желанию обратиться за помощью к здравому смыслу и эмпирии. Значение состоявшейся дискуссии я вижу в том, что у нас вырабатывается, как минимум, привычка оперировать новыми понятиями. Ведь даже для их опровержения в случае несогласия с их значимостью необходимо их как-то понять, и уже тем самым они вводятся в оборот.

Отвечу на опубликованные выше критические выступления моих оппонентов.

А.А. Печёнкин стремится найти и охарактеризовать по-своему те течения философской и историко-научной мысли, против которых, как он полагает, направлены высказываемые мной соображения. Такой подход не улавливает весьма существенной особенности моего текста. У меня нет цели критиковать Л. Витгенштейна или Д. Блура. Для меня их мышление (как и многих других) есть нечто состоявшееся, обладающее смыслом и определившее ход развития логики в прошлом веке. Мне важно показать, что исходные установки Витгенштейна, Карнапа или Куайна (у Блура они очень противоречивы и о них трудно говорить как о чем-то определённом) содержат в себе особенности, на которые не обращалось внимания до поры до времени, но которые выдвинулись на передний план в конце прошлого века и заставили философов переосмыслить такие важные для научного мышления понятия как истина, объективность, субъект, предмет, в том числе и понятие смысла. В концепциях науки взаимодействуют между собой многие теории, которые не могут быть одновременно истинными, но в то же время признаются научными, так как обладают смыслом. Теория может еще не быть до конца обоснованной, она только родилась в голове ученого, но уже признается научной, с ней спорят. Понятие смысла привязано к возникновению нового в науке. Для подтверждения этой мысли я и привожу в конце доклада рассуждения некоторых ученых и философов на тему о том, как это новое появляется в биологии, физике, социологии, философии.

А.П. Огурцов предлагает уточнить понятие смысла, а также намечает свой путь разработки понятия истины и его замены не смыслом, а правдоподобием. Отказ от идеи истины позволяет избавиться одновременно и от квазитеологических допущений в теории науки (от допущения абсолютной истины), считает Огурцов, и от релятивизма, представители которого настаивают на том, что любая рациональная научная теория содержит в себе ошибочные моменты, объясняемые социально-историческим, культурным и биографическим контекстом. Мне импонирует идея А.П. Огурцова о необходимости избавиться и от абсолютизма, и от релятивизма. Однако я думаю, что следует сказать в этом случае и о логике научной теории, которая предопределяет неизбежность ее замены новой, о ее точках роста, которые едва ли можно считать ошибочными моментами, предопределенными тем или

иным социальным контекстом. Размышления А.П. Огурцова для меня важны, прежде всего, потому что они обращают внимание на необходимость учитывать разные варианты интерпретации истины и ее роли в научном знании в современной ситуации.

Ю.С. Моркина, как и некоторые другие мои оппоненты, отмечает необходимость более обстоятельно и точно разъяснить мое понимание понятия смысл. Ю.С. Моркина особо подчеркивает, что важно понять отличие понятия смысл науки от смысла искусства, философии и т.д. Если дать самый общий ответ, то можно сказать, что смысл науки определяется самой наукой, ее особенностями. Если этот ответ уточнить, то придется опереться на сказанное самой Ю.С. Моркиной, а именно, что смысл связан с творчеством, с возникновением нового, в нашем случае – с возникновением нового научного знания. Согласно моей позиции, новое в науке возникает не из прошлого знания, а как бы на пустом месте. Но это «пустое место» формируется развивающейся наукой из того, что наукой не является, из всего бесконечного разнообразия элементов контекста таким образом, что в результате мы получаем *ненауку* (в отличие от *нефилософии*, или *неискусства*), и возникающее новое обладает именно научным смыслом.

А.Л. Никифоров. Прежде чем ответить на критику А.Л. Никифорова, я отмечу те моменты в его тексте, которые я не буду принимать во внимание. В первую очередь это такие выражения как: карикатурные образы науки, псевдопроблемы, месиво из обрывков знаний, мутные воззрения, бессодержательные, пустые и даже абсурдные идеи и т.д. (все это относится к моей позиции). Кроме того, я не буду реагировать на приписываемые мне утверждения, которые отсутствуют в моем докладе (это легко проверить, прочитав его повнимательнее), такие, например, как: «Смысл – вот что отличает науку от всего остального. Любая мысль, зародившаяся в голове ученого – пусть самая абсурдная или просто житейская, – уже обладает научным смыслом», или – «научные теории, законы, понятия навязываются ученым самой природой и образуют ее точное отображение», а также целый ряд других. Теперь перейду к тому, что остается в критике А.Л. Никифорова.

Сразу же хочу отметить, что рассуждения А.Л. Никифорова, более или менее явно, опираются на эмпирический базис, на свидетельства наших органов чувств. В том числе на тот факт, что в лаборатории всегда есть ученый и то, что он изучает. А.Л. Никифоров задается вопросом: «Как, где, когда исчез предмет науки?» Похоже, он ищет его в стенах лаборатории, хочет увидеть,

потрогать. И дальше: «Ученые, по-видимому, никогда не считали, что изучают не предмет, а язык». Ученый в лаборатории или за письменным столом, согласимся с ним, действительно не задумывается над проблемой языка и предмета, это не его задача, ему и не нужно об этом думать. Думать об этом должен философ, логик, причем философы, принадлежащие к разным направлениям в своей области, наверняка в этом-то как раз согласятся друг с другом. Задача философии понять, объяснить своими средствами тот эмпирический факт, что в лаборатории присутствует и ученый, и то, что он изучает. Ученый может построить свой эксперимент таким образом, чтобы максимально устранить свое на него влияние, а может быть вынужденным учитывать это обстоятельство. Пример, который приводит А.Л. Никифоров с открытием нового элемента, относится, безусловно, к классической науке, и эксперимент здесь строится по классическому образцу. В этом случае неважно, что эксперименты, проводимые в разных лабораториях, неизбежно чем-то, несущественным для его результата, отличаются друг от друга. Но в любом эксперименте всегда присутствуют два полюса – субъект и предмет. Не всегда они играют одинаковую роль.

А.Л. Никифоров часто использует понятие интересубъективности, относя его к факту воспроизводимости результатов эксперимента. При этом он не учитывает, что интересубъективность предполагает наличие нескольких субъектов, как минимум двух, а воспроизводимость эксперимента базируется именно на том, что всё, связанное с отличием одного экспериментатора от другого, не принимается во внимание, другими словами, субъект-экспериментатор сводится к одному субъекту, и ему не с кем вступать в интересубъективное общение. Логика классической науки – моносубъектна, формирование же полисубъектной логики XX века как раз и привело к выдвиганию на передний план таких понятий как интересубъективность, диалог, коммуникация. Так что если А.Л. Никифоров не хочет видеть разницы между классической и неклассической наукой, надо как-то опровергнуть этот факт, во всяком случае, обосновать отнесение интересубъективности к логической структуре науки в целом.

Такой мой ответ лишь на некоторые пункты критики Никифорова, на самом деле их гораздо больше, но я не могу слишком злоупотреблять предоставленной мне возможностью отреагировать на высказанные замечания моих оппонентов.